

* * *

Разве сладить с тем, что легко даётся:
голубой реки говорливый рот,
в золотых лугах остывает солнце,
на траву стекает янтарный мёд.
Перестанешь сеять — приходит жатва,
вот и рой пчелиный — всегда в трудах,
если просто жить, ни обет, ни клятвы
не нужны всевышнему. Только «ах»
воскликнуть от счастья, боже правый!
Облака в зеркальном пруду плывут,
и варенье в блюдах у самовара,
в деревянном доме — покой, уют.
И церквушка рядом, и лес, и школа,
и детишек много... пожалуй, пять!
И курлычет белой голубке голубь,
вроде тихо-тихо, да всё слышать.

* * *

Тишина и зеркальное небо
над полоской реки голубой.
От болезненной скуки плацебо —
мятный день — положи на зубок.

Раскуси и почувствуешь — жажда
утоляется где-то внутри.
Посмотри, улыбается каждый
кто навстречу бежит. Сотворить

эту жизнь и себя в ней не просто,
но попробуй хотя бы разок!
Сыплет птичьему племени просо
человеческий солнечный Бог.

* * *

Пусть ночь оставит мягкое пальто
на спинке, в изголовье у кровати,
где глаз луны косится золотой
на ключ скрипичный мастера Амати.
У музыки свои законы, и
расписаны все действия на бумаге,
продлится очарованное «си»
из горла соловьиного в овраге.
С рассветом трель становится сильнее,
дрожит листва под тяжестью росинок.
Кузнечик хрупкий, юный Паганель
встречает солнце в зарослях люпина.
И утро — так прохладно и свежо!
Как влажный нос волчонка или лисий.
Тачает в небе солнечный стежок
кудесник, сын Латоны — живописец.

* * *

В долине ведренного лета,
в простом убранстве деревень
(где пар горяч и воздух гретый)
кустилась набожно сирень.
Всё оплывало тихим дымом,
мерцало, таяло, лилось,
и пела голосом родимым
колодца жертвенная ось...
На небе знак луна являла,
вильнув бедром, осой вилась,
а пёс от сала (годовалый)
не отводил голодных глаз.
Где напоследок было слышно
скворчанье чистое листвы
в полночном выдохе гречишном
при блеске свечек восковых.

* * *

От настольной лампы кругами тени,
занавеска делит пространство на:
дорогое — память, иное — темень.
Может дастся — боженька явит знак?
Говоришь упрямо:
— Ещё не вечер!
Переходит время границу вброд.
Тёмный край небес изнутри подсвечен,
всё одно и то же который год.

У зимы голодной — запросы волчьи,
по сугробам рыщет, сдвигая льды.
Головой качаешь устало, молча,
отпускаешь в небо табачный дым.
Как ни силься — знобкая, слышишь голос,
вот и вьюга рядом рычит и рвёт...
Сквозь деревья виден луны осколок,
на руках качаться — её черёд.

Научиться можно прощать, да только
ключ сжимаешь крепко в своей горсти.
Холодна зима, но дорожкой скользкой
до тебя и хочется — не дойти!

* * *

Оттенит закат купола и шпили,
на снегу оставив глубокий след,
если город явной любви лишили,
будет снег лежать ровно триста лет.
У деревьев руки воздеты кверху,
по карманам птицы, в ногах земля;
на ослице в город пытаюсь въехать,
, собой деля
на дела мирские, пустые траты
и на голос чистой любви внутри.
Святой Боже, крепкий, какую плату
не отдашь — всё мало
за январь...
Расставляя сети, поймаешь слово,
и оно забьётся, заговорит,
птичий отрок цвиркнет среди еловых
кротких веток, словно архимандрит
так спокойно, ласково:
— Что вы, дети...
В забелённом мареве — очерк дней,
прояснится явь, будто кто подсветит
золотое небо монастырей.

* * *

Река сонлива, но строга,
прохладный воздух выдыхая,
ведёт плечом.

По берегам
туман слоистый.

Птичья стая
в гнездовьях дремлет,
ни души,
вокруг — пространственная роскошь.

Час предрассветный нерушим —
ни плеска вод, ни отголоска.

Лишь зябко ёжится ветла
да ива косы распустила,
где тень ей под ноги легла
от гололобого светила.

* * *

Под тихий шёпот снегопада,
Под воркованье старых крыш,
Сквозь прутья жёсткие ограды
Фонарь сияет ржав и рыж.

Ему давным-давно нет дела
До непогоды, шумных драк,
И пусть железо постарело,
Огонь душевный не иссяк.

Запорошён усталый город,
Зимой закован затяжной,
Где ветер греется продрогший,
Гоня мяч по мостовой.

А в тёмном чреве подворотни
Уже который век подряд
Искрит, на цыпочках приподнят,
Блаженный свет от фонаря.